

ВИДУНАС О ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Маргарита Варлашина

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Творчество Ф.М. Достоевского в Литве в начале XX в. было малоизвестным. «Большинство литовцев вряд ли знало хотя бы имя великого романиста, поскольку запрет на литовскую печать изрядно приостановил развитие национальной культуры»¹. Тем не менее литовская интеллигенция читала произведения Достоевского, однако по-разному – кто на языке их создания, кто – в переводах на немецкий и польский языки². Отсутствие переводов на литовский язык (отдельные фрагменты творчества Достоевского впервые были опубликованы лишь в 20-ые годы XX в.³) ограничи-

вало распространение знаний о нем. Знаменательно, что в ноябре 1921 г., когда в Европе широко отмечалось 100-летие Достоевского, в каунасском Городском театре среди собравшихся на приуроченную к юбилею писателя лекцию А.И. Гидони «было очень немного» литовцев⁴.

Поэтому неудивительно, что в тот период в Литве, по имеющимся данным, была опубликована лишь одна юбилейная, посвященная творчеству Достоевского, статья⁵. Ее опубликовал писатель и философ Видунас (Вильгельмас Стороста, 1863–1953) в им самим издаваемом уникальном прибалтийском периодическом издании *Darbîmetis* (*Страдная пора*), своеобразной литовской параллели к журналу Достоевского *Дневник писателя*⁶.

¹ Masionienė B., „F. Dostojevskis lietuvių kritikoje“, *Masionienė B., Literatūrinis ryšis pėdsakais*. Vilnius: Vaga, 1982, p. 36. (Здесь и далее перевод с литовского яз. мой. – М.В.)

² В Германии и Польше основные произведения Достоевского были переведены на рубеже XIX–XX вв. В частности, на немецкий язык – в последней трети XIX в., а в отдельных случаях – еще раньше, почти сразу после выхода его книг в России (см.: Дудкин В. В., Азадовский К. М., *Достоевский в Германии (1846–1921), Литературное наследство*, т. 86, Москва: Наука, 1973, с. 659–740), на польский язык – в основном, в первое десятилетие XX в. (см.: http://pl.wikipedia.org/wiki/Fiodor_Dostojewski).

³ Глава *Великий инквизитор* из романа *Братья Карамазовы* отдельным изданием – в 1922 г., *Преступление и наказание* – в 1929 г., фрагмент романа *Бесы* – в 1931 г.

⁴ Лавринец П., *Евгений Шкляр: Жизненный путь скитальца*. Вильнюс: Издательство Вильнюсского ун-та, 2008, с. 68.

⁵ Karmalavičius R., „Elementarūs pagalvojimai apie Vydūno reikšmę mums ir mūsų sąmonei“, *Vydūnas lietuvių kultūroje*, red. V. Bagdonavičius, Vilnius: [Filosofijos, sociologijos ir teisės institutas], 1994, p. 298.

⁶ Gaižiūnas S., *Kultūros tradicijos baltų literatūrose: XX a. paralelės ir kontaktai*, Vilnius: Vaga, 1989, p. 238–239.

В четвертом номере своего журнала за 1921 г. под рубрикой «Мир» наряду с проблемами мира, последними достижениями естественных наук и актуальными местного характера (пьянство) Видунас поместил в одном ряду две статьи, приуроченные к двум юбилеям: „Dante Alighieri“ – к 600-летней годовщине со дня смерти великого тосканца и „F.M. Dostojevski“⁷ – к 100-летию юбилею русского писателя. (Тем самым Видунас зачинает в литовской культуре традицию сопоставления этих двух имен.) Сквозь строки этих статей проступают контуры сложившейся к этому времени системы философских взглядов Видунаса, а также знаки конкретного момента литовской истории.

Статья Видунаса начинается с попытки установить аксиологическую значимость этого великого художника – Достоевского. Писатель встраивается в ряд мастеров национальной (русской) литературы (наряду с Л. Толстым). Данте же причисляется к корифеям мировой литературы, а это Гомер, Эсхил, Софокл, Сервантес, Шекспир и Гёте. Сопоставление Достоевского лишь с соотечественным ему гением можно истолковать как сомнение Видунаса в значимости его произведений для всего мира. Более того, два русских писателя, в понимании Видунаса, также не являются величинами одного масштаба: «По моему мнению, мысль Толстого представляется более активной». Однако Видунас как издатель журнала считает своей обязанностью удостоить

Достоевского вниманием, поскольку его «в этом году мир вспоминает»: «Достоевский был, возможно, величайшим мучеником и выразителем своего народа. Надо его почитать».

К обсуждению значения творчества Достоевского Видунас подходит через размышления о натурализме, вспоминая о том, что для писателей этого направления Достоевский был «словно идеал». Возможно, такой подход Видунаса обусловлен тем, что немецкая рецепция творчества Достоевского связана с зарождением натурализма в Германии. Для натуралистов Достоевский был своеобразным союзником их творчества, они акцентировали его реализм (который понимали как копирование действительности) и психологизм. Восприятие творчества Достоевского Видунасом также близко трактовке прозы русского писателя как документального, реалистического описания: «Все муки людей России он пересказывает». Поэтому можно предположить, что Видунас к моменту написания статьи о Достоевском был знаком с немецкой критикой о творчестве русского писателя.

В статье Видунас упоминает два романа Достоевского – *Братья Карамазовы* и *Преступление и наказание*⁸, прочитанные им в немецком переводе, однако не предпринимает никакой попытки представить, хотя бы частично, творчество Достоевского литовскому читателю. Тогда как при чтении статьи, посвященной Данте, первое, что бросается в глаза – это то, что в ней дается

⁷ [Vidūnas], „F. M. Dostojevski“, *Darbimėtis* 1921, № 4, p. 25–26. В статье текст цитируется без указания страниц.

⁸ Название этого романа Видунас дает в традиции первых немецких переводов: *Raskolnikoff*.

описание структуры *Божественной комедии* и довольно подробный пересказ содержания поэмы. Помимо этого, Видунас отмечает направленность *sub specie aeternitatis* знаменитого произведения и его «вселенскую проникновенность», что близко собственным мировоззренческим установкам автора статьи и утверждаемой им идее постепенного одухотворения человека. Достоевского же Видунас воспринимает лишь как «могучего эпика, яркого образителя», не принимая во внимание новаторство творческой манеры русского писателя, его способность органично сочетать высокое и низкое, сакральное и профанное, вечное и временное – библейский текст и сцены в распивочной, агиографический элемент и факты газетной хроники. В романах Достоевского литовский критик видит лишь одно-стороннее документирование мрачной российской действительности: «Почти вся жизнь, которую он нам показывает, есть жизнь в аду». Более того, Достоевский становится для Видунаса метонимией России, ее цивилизации и культуры: «Но то, о чем он говорит, это не ад вообще, но обособленный ад Русского народа». Это происходит потому, что Видунас приравнивает специфичность художественного мышления и художественного видения к своеобразию нации: «Письменность нации и ее жизнь есть лишь два явления одних и тех же вещей, одной и той же сути». Свое понимание соотношения между мышлением и художественным творчеством Видунас изложил в одной из более поздних работ: «Дети каждого народа думают своим способом. Они по-своему смотрят на жизнь, изображают и

понимают ее»⁹. В понимании Видунаса индивидуальность писателя тождественна своеобразию нации.

Исходя из этих соображений, Видунас решал и вопрос о родословной русского писателя, всколыхнувший литовскую общественность после выхода в Мюнхене книги *Dostojewski geschildert von seiner Tochter* (1920). Дочь писателя Любовь Достоевская основываясь, якобы, на словах отца, утверждала, что происходит из старинного литовского рода. Свое заявление о «нормандско-литовском» происхождении рода Достоевских она подкрепляла и трудом Видунаса *La Lituanie dans le Passé et dans de Présent*, вышедшим в 1917 г. в Женеве. Видунас проблему происхождения рода Достоевского решил однозначно: «Это ничего не значит». Для литовского философа важным представлялся лишь вопрос творческой значимости, связанный, по его представлению, с проблемами нации, с раскрытием национального духа. Поэтому для него и Достоевский – глубоко русский писатель. Вне поля зрения Видунаса остались универсальность творчества Достоевского и поднятые им общечеловеческие проблемы.

Достоевский жил в эпоху безверия, трагичность последствий которой не понимало большинство его современников, тогда как он осознал, что нравственный идеал человечеству нужнее «опытов науки»: «Люди успокаиваются не прогрессом ума и необходимости, а нравственным признанием высшей красоты, служащей идеалом для всех»¹⁰.

⁹ Vydūnas, „Tautos gyvata: Filosofiški-sociologiški aiškinimai“, *Vydūnas, Raštai*, Vilnius: Mintis, 1990. T. 1, p. 238.

¹⁰ Достоевский Ф.М., *Полное собрание сочинений*: В 30-ти томах. Ленинград: Наука, 1972–1990.

Основным жизненным вопросом писатель считал необходимость утверждения веры; о себе говорил, что обретение им веры – результат длительного духовного пути: «Через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла» (27, 86). Писатель, как и его герои, «искали веры глубокой, осмысленной, преодолевая в себе соблазн простого приятия веры в ее народном понимании как своего рода обрядового православия»¹¹, на своем пути богоискательства он «колебался между поиском истины с помощью логики доказательств и внутренним, сердечным знанием»¹². На склоне жизни Достоевский в одном из писем давал совет своему корреспонденту буквально в духе евангельской мудрости «ищите да обрящете» (Мф 7: 7; Лк 11: 9): «Не оставляйте Вашего беспокойства, ищите и, может быть, найдете» (30 кн. 1, 11). В итоге Достоевскому удалось разрешить мучивший его всю жизнь вопрос «существования Божия» (29 кн. 1, 117) и обрести примиряющую с бытием великую непознаваемую Истину. Именно такое впечатление оставляет завершающий его творческий путь шедевр – роман *Братья Карамазовы*.

Возможно, что Видунас при чтении этого произведения видел стремление Достоевского воскресить этический потенциал современного ему человека, утратившего, большей частью, спо-

собность верить в Бога и доверять Его заповедям, однако это не нашло своего отражения в его статье. Заключительная часть рассуждений литовского критика о значении творчества Достоевского была категорически отрицательной: «То, что ему <Достоевскому> видится как путь на небеса, путь очищения, есть русский путь». Свой вывод Видунас пространно обосновывает во второй части статьи: «Он <Достоевский> слишком мало предоставляет из того, что ожидается от великого человека. Не пробуждается скрытое величие самого человека. Не проявляются силы души. Вероисповедательные его объяснения также лишены глубины и широты. Отсутствует в них мудрость и мощь истинной веры».

Главную ошибку русского писателя Видунас видел в том, что тот изначально не предполагал говорить «только об идеальной жизни, об идеальных людях». А поэтому вывод Видунаса односторонний: «Литовцам негоже греться у его <Достоевского> огня». Свою статью Видунас заканчивает сформулированными им задачами для литовцев:

Мы должны подняться на те высоты, с которых видны не только мрачные жизненные овраги, но и бескрайние дали, пронизанные вечным светом. Наша кровь, наш язык, наше вхождение в мир указывают нам этот путь. Нам следует смотреть вперед и ввысь.

Такой вывод и такое завершение статьи возникли как (1) следствие своеобразия его религиозно-философского мировосприятия и (2) ввиду неординарной исторической и политической ситуации Литвы в первые десятилетия

Т. 24, с. 159. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

¹¹ Звонников А.А., *Достоевский и Православие: предварительные заметки, Евангельский текст в русской литературе XVIII-XIX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*, Петрозаводск: Издательство Петрозаводского ун-та, 1994, с. 186.

¹² Аллен Луи, *Достоевский и Бог*, С.-Петербург: Юность, 1993, с. 18.

XX в. Тем самым проявилась идеологическая надстройка текста Видунаса, отразившая чаяния и убеждения части литовской интеллигенции того времени.

Поэтому рассмотрим более подробно пропускающие сквозь строки статьи Видунаса философские его взгляды и контуры литовской действительности того времени. Два этих фактора, не обнаруживаемые в статье Видунаса непосредственно, являются ее «отсутствующими составляющими».

После отмены запрета литовской письменности Великий Вильнюсский сейм (1905) призвал литовскую интеллигенцию создать духовную основу для восстановления государственности. Это выразилось в стремлении части литовских художников избегать влияния иных культур и возделывать ниву национальной культуры, полагаясь лишь на собственные силы. Поэтому, как и прежде, в веке XIX-ом, они предлагали распространять идеи католичества, нравственности, национального сознания. В первые десятилетия XX в. «идея нации, как и в период запрещенной печати, оставалась основной категорией раздумий»¹³. Одновременно интеллигенцией решался вопрос, какого направления следует придерживаться литовской культуре – западного (Польша) или восточного (Россия). Для литовской литературы тех лет необходимо было решить две задачи: «Возродить язык и противостоять русификации / полонизации; формировать националь-

¹³ Kubilius V., „Tautinio idealizmo literatūra“, *Kubilius V., XX amžiaus literatūra: Lietuvių literatūros istorija*. Vilnius: Alma littera, 1995, p. 70.

ное самосознание»¹⁴. Писатели «литературы национального идеализма»¹⁵ (Видунас, Вайжгантас, Креве) создавали образы идеального национального характера и национального бытия. Они утверждали необходимость обращения литературы к великим стародавним временам и возможность черпать живительную мощь из древних, не подвергшихся еще чуждому влиянию, духовных родников. Тем самым эти писатели руководствовались унаследованными от XIX в. бинарными оппозициями *свое-чужое* и *подражание-отрицание*.

Такое мышление в оппозициях соответствовало некоторым мировоззренческим установкам Видунаса, главного деятеля культурного движения литовцев Малой Литвы в конце XIX – начале XX вв. Основной первоначальной предпосылкой, определившей направление интеллектуальных исканий и философской проблематики Видунаса, была необходимость помочь соотечественникам противостоять процессам ассимиляции¹⁶, поскольку в Малой Литве, северной части этнических земель пруссов и литовников¹⁷, вследствие воссоединения Германии в 1871 г. резко усилилось насаждение германизации как осуществление лозунга «железного» канцлера О. Бисмарка „Ein Reich – eine Sprache“. Именно на поприветствие культурного движения литовников

¹⁴ Ciplijauskaitė B., „Tautinis sąmoningumas ir universali estetika pirmaisiais XX amžiaus dešimtmečiais Lietuvoje“, *Ciplijauskaitė B., Literatūros eskizai*. Vilnius-Kaunas: Lietuvių katalikų mokslo akademija, 1992, p. 111.

¹⁵ Термин, предложенный В. Кубилиусом.

¹⁶ Bagdonavičius V., „Vydūno filosofijos bruožai“, *Vydūnas, Raštai* T. 1, p. 11.

¹⁷ Так себя называли литовцы Малой Литвы.

Видунас сформировался как оригинальный мыслитель, писатель, организатор культурных обществ, просветитель. Он внес значительную лепту в развитие литовской философии и художественной литературы, также много сделал в историографии, журналистике, педагогике, лингвистике. Главным объектом его мысли была национальная идея, поэтому его интересовали вопросы исторической судьбы и генетических корней литовского народа, целей его существования, исторической и культурной миссии, основы его уникальности, особенности национального характера. Свои философские идеи Видунас изложил в 12-ти книгах, из них наиболее значимыми являются следующие работы: *Mūsų uždavinys* (пер.: *Наша задача*) (1911), *Tautos gyvata* (пер.: *Жизненность нации*) (1920), *Sąmonė* (пер.: *Сознание*) (1936). Национальная идея как систематизированное обобщение национального сознания, как известно, имеет религиозный аспект, так как вероисповедание всегда выступает одним из мощнейших этнообъединяющих факторов. Поэтому и для Видунаса «понятие национальности тесно переплеталось с религиозностью»¹⁸, и именно эта особенность его мировосприятия предоставила ему возможность привнести проекцию универсума и в литовскую художественную литературу: такие его произведения, как *Тени предков* (1908), *Вечный огонь* (1913), *Мировой пожар* (1928) представляют собой яркие образцы философской драмы¹⁹.

¹⁸ Bagdonavičius V., *Filosofiniai Vydūno humanizmo pagrindai*, Vilnius: Mintis, 1987, p. 56. (Видунас, как и другие литовцы Восточной Пруссии, был протестантом).

¹⁹ В 1927 г. Видунас был принят во всемирную организацию писателей Пен-клуб.

Очень своеобразная мировоззренческая система Видунаса сложилась на основе множества идей самого разнообразного толка, главными из которых являлись идеи немецкой идеалистической философии, неоведантизма, теософии. Видунас, учитель по образованию, во время летних отпусков на правах вольнослушателя посещал лекции в немецких университетах (Грейфсвальдском, Халльском, Лейпцигском и Берлинском); он изучал философию и ее историю, социологию, религию и мифологию разных народов, историю литературы и искусства, санскрит, английский и французский языки. Особое воздействие на Видунаса оказали имманентная философия Вильгельма Шуппе и теософия. Изучение сочинений теософов подвигло Видунаса заинтересоваться источниками, из которых они черпали свои идеи, – а это были философские и религиозные доктрины Древнего Востока, концепции Платона и его последователей, пантеистические учения Средневековья и Нового времени. Наиболее сильное воздействие на Видунаса оказала древнеиндийская философия, которая привлекла его внимание к имманентности человека, необходимости духовного его совершенствования. Именно в этой философской системе Видунас нашел то, что, как ему казалось, должен был освоить и использовать поработанный литовский народ, воспитывая в себе внутреннюю стойкость. Главную особенность его размышлений очень точно определил литовский писатель Винцас Миколайтис-Путинас, заметив, что для Виду-

наса «*non est salus extra nationem* – вне нации нет спасения»²⁰.

Религиозно-философская система Видунаса формировалась как теоретическая модель жизни, практическое применение которой способствовало бы решению насущных проблем литовского народа. В основу его системы была положена идея непрерывного духовного совершенствования человека и мира, важное место занимало переосмысление сформулированного еще во второй половине XVIII в. И.Г. Гердером понимания нации как выражения божественного провиденья, в силу которого каждый народ имеет свое predeterminedенное свыше назначение. Предложенная Видунасом модель мира отличается иерархической структурой: мир развивается и постепенно приближается в духовном плане к идеалу, к абсолюту; «ступени эволюционной лестницы» – это человек, нация, человечество, которое уже ближе всех к абсолюту.

Нация в понимании Видунаса – это обязательный элемент универсума, перед которым «Первооснова мира» ставит задачу обогатить культуру человечества лишь ей одной свойственным способом. Поэтому для каждой нации характерна своя субстанция духовности, основой которой является ее язык. Чувство принадлежности человека к нации коренится в его плоти и крови, психике и мышлении и сопряжено с проявлениями человеколюбия. Нравственность, любовь, доброта, по мысли литовского философа, возможны лишь

в осознании живого единства с нацией. Наиболее ярко суть нации раскрывается через ее искусство, которое питают национальное мышление, духовность и историческая память. Порабощенные иноземцами народы могут устоять перед поработителями лишь тогда, когда «преобладает богатство духовное, а не материальное», так как истребить психический и духовный потенциал нации, убежден Видунас, невозможно²¹. Поэтому необходимо сознательное культивирование своей национальной культуры, укрепление чувства человеколюбия как духовной основы человека, воспитание этических ценностей. В представлении Видунаса, совершенная личность воспитывается благодаря верованию в Бога, поскольку «вероисповедание, – по словам Видунаса, – является единственным условием культуры души»²². Свою задачу Видунас видел в «сознательном воспитании единиц личностей»²³, поскольку «каким является отдельный человек, таким является и нация»²⁴. Видунас в своих сочинениях стремился разбудить сознательные усилия человека идти путем личного совершенствования и заставить его осознать свою сопричастность национальному своеобразию, иначе человек не поймет своего предназначения. А «понимание сразу предполагает ответственность. Через ответственность, то есть через отношения нравственные,

²⁰ Mykolaitis-Putinas V., „Vydūno dramaturgija“, *Mykolaitis-Putinas V. Raštai*, Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla, 1969. T. 10, p. 334.

²¹ Vydūnas, „Tautos gyvata: Filosofiški-sociologiški aiškinimai“, p. 354.

²² Ibidem, p. 282–283.

²³ Vydūnas, „Mūsų uždavinys“, *Vydūnas, Raštai*, Vilnius: Mintis, 1990. T. 1, p. 144.

²⁴ Ibidem, p. 159.

осуществляется обратная связь человека с обществом»²⁵.

Эти идеи Видунаса частично – в своей основной сути постепенного одухотворения человека – близки проблеме нравственного совершенствования человека, которую решал и Достоевский. Он также предлагал переустройство общества начать с человека, с его одухотворения, поскольку духовность человека – это следствие внутренне осознанных высоконравственных отношений с другими людьми и с миром. В своем творчестве Достоевский поднимал вопрос консервативности человеческой природы, поскольку был убежден, что на человеческую природу не влияет перемена среды, что стать другим человек сможет только в результате сознательных усилий. Эту мысль в *Дневнике писателя* он сформулировал афористично: «Сделаться человеком нельзя разом, надо выделаться в человека» (25, 47), а в последнем романе высказался устами Зосимы очень ясно: «Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу» (14, 275). Однако обнаруживаемая в романе *Братья Карамазовы*

схожесть рассматриваемых вопросов для Видунаса не была решающей: его взгляд на творчество русского писателя определила историко-политическая и социокультурная ситуация Литвы в первые десятилетия XX в. Видунас подчеркивал, что «задачи для человека выдвигаются не только <...> природой самого человека, его нацией, но <...> и временем, в которое он живет. Из настоящего времени, из действительности возникает для литовцев и национальная задача»²⁶. Поэтому закономерно, что задачей критика в понимании Видунаса является «попытка понять и объяснить знаки национальной жизни»²⁷, и, исходя именно из этого представления, он и представил литовскому читателю творчество Достоевского.

Таким образом, статью Видунаса, посвященную юбилею Достоевского, можно охарактеризовать двояко: и как критический этюд, отразивший субъективную авторскую позицию, и как своеобразное литовское восприятие творчества русского писателя, обусловленное историческим контекстом – экзистенциальной реальностью Литвы.

²⁵ Maziliauskaitė R., „Tautiškumo refleksija lietuvių filosofijoje po Vydūno“, *Vydūnas lietuvių kultūroje*, p. 88.

²⁶ Vydūnas, „Mūsų uždavinys“, p. 216–217.

²⁷ Ibidem, p. 211.

VYDŪNAS APIE F. M. DOSTOJEVSKIO KŪRYBĄ

Margarita Varlašina

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjamas lietuvių rašytojo ir filosofo Vydūno nedidelės apimties tekstas „F. M. Dostojevskis“ (1921), skirtas šio rašytojo 100-sioms gimimo metimėms paminėti. Filosofo nuomone, lietuviams nedera skaityti šio giliai rusiško rašytojo kūrinį.

Savo išvadą Vydūnas pagrindžia antroje straipsnio dalyje. Jo teigimu, Dostojevskio kūrinai neatskleidžia tikrojo tikėjimo išminties ir galios, nesuteikia žmogui galimybės išreikšti savo žmogiškąjį didingumą. Svarbiausia rusų rašytojo klaida Vydūnas įvar-

dija atsisakymą sukurti skaitytojams idealaus žmogaus gyvenimo pavyzdį. Jubiliejinį straipsnį Vydūnas užbaigia lietuvių tautai iškelto uždaviniu siekti užsibrėžto tikslo, vadovaujantis moralės normomis („žvelgti pirmyn ir aukštyn“).

Straipsnyje aptariamas neigiamas Vydūno požiūris į Dostojevskio kūrybą, aiškinamos priežastys, lėmusios rusų rašytojo reikšmės lietuvių kultūrai atmetimą. Kūrybos vertės klausimą Vydūnas siejo su tautiškumo problema ir tautinės dvasios sklaida. Dostojevskio kūryba Vydūnui – rusų kultūros metonimija.

VYDŪNAS ABOUT F. M. DOSTOEVSKY'S WORKS

Margarita Varlašina

S u m m a r y

The article deals with an analysis of the Lithuanian writer and philosopher Vydūnas' small text "F. M. Dostoevsky" (1921), intended for this writer's 100th birthday anniversary. The philosopher supposes that it is inappropriate to read this deeply Russian writer's works. His conclusion Vydūnas explains in the second paragraph. According to him, Dostoevsky's works do not reveal the true faith, wisdom and power, do not give a person the opportunity to express the human grandeur. The most important Russian writer's error refusal to identify the an is his example of a perfect human life. Vydūnas completes the anniversary article with the tasks set to the Lithuanian people in accordance with moral norms ("to look forward and up").

This paper discusses the negative Vydūnas' ap-

Teigiama, jog kritišką Vydūno požiūrį į Dostojevskio kūrybą lėmė: 1) savita religinė filosofinė Vydūno pasaulėžiūrinė sistema, susiformavusi protestantizmo, idealistinės vokiečių filosofijos, neoveudentizmo, teosofijos pagrindu; 2) Lietuvos istorinė politinė situacija pirmaisiais XX a. dešimtmečiais. Vydūnas straipsnyje apie Dostojevskį išreiškė anuomet vyravusias dalies lietuvių kūrybinės inteligentijos nuotaikas, konkretaus istorinio tarpsnio, istorinio konteksto savitumą.

proach to Dostoevsky's works, interpretes the causes which led to rejecting the Russian writer's value to the Lithuanian culture. Vydūnas linked the creative value with the problem of nationality and national spirit dissemination. Dostoevsky's works for Vydūnas are the Russian culture metonymy.

It is argued that the critical approach of Vydūnas' to Dostoevsky's works was determined by: 1) a unique religious philosophical Vydūnas' world system formed of Protestantism, German idealistic philosophy, neovedantism, theosophy, 2) Lithuanian historical political situation in the early twentieth century decades. Vydūnas' article about Dostoevsky expressed the then prevailing creative mood of Lithuanian intellectuals, a specific historical period, historical context.

Получено: 2013, октябрь

Принято: 2013, октябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto, 5

01513 Vilnius Lietuva

E-mail : margarita.varlasina@flf.vu.lt